

АРХЕОЛОГИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902.03/7.031

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.148.160>

СТЕНА И ПОЛ ПЕЩЕРЫ КАК КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ: ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИК¹

© 2025 г. В.С. Житенёв, Ю.Д. Анисовец, Е.В. Литвинова, М.Г. Кожарина,
Я.А. Малышева, Е.А. Виноградова, М.А. Статкус

профессору МГУ Н.Б. Леоновой посвящаем

На сегодняшний день на Южном Урале (на территории Башкирии и Челябинской области) известно три пещеры с настенными палеолитическими изображениями – Капова, Игнатьевская и Серпиевская-2. В период 2009-2023 гг. в ходе полевых и лабораторных исследований были выявлены свидетельства человеческой деятельности, датируемые 14-19 тыс. кал.л.н., на всех трёх памятниках. Постоянное увеличение различных свидетельств верхнепалеолитических практик стало возможным благодаря непрерывному совершенствованию методики изучения декорированных подземных полостей. Применяемый авторами подход подразумевает отношение к стенам и потолку пещер как к культурному слою палеолитических памятников. В ходе полевых работ фиксации подвергаются любые, даже мельчайшие следы человеческой деятельности. В качестве иллюстрации верности обсуждаемого подхода можно привести увеличение количества настенных рисунков и других следов художественных практик до более, чем 440 единиц в Игнатьевской пещере. Многофакторный анализ изобразительных ансамблей Каповой и Игнатьевской пещер указывает на относительно одновременное сосуществование на памятниках двух верхнепалеолитических стилей, которые ранее считались разновременными или вовсе не обсуждались.

Ключевые слова: археология, верхний палеолит, искусство палеолита, методика полевых исследований, Южный Урал, Капова пещера, Игнатьевская пещера, настенные изображения, красочные пигменты, микро-рентгенофлуоресцентный анализ (РФА)

CAVE WALL AND FLOOR AS A CULTURAL LAYER: SPECIFICS OF THE METHODOLOGY FOR STUDYING PALEOLITHIC ARTISTIC PRACTICES²

V.S. Zhitenev, Yu.D. Anisovets, E.V. Litvinova, M.G. Kozharina,
Ya.A. Malysheva, E.A. Vinogradova, M.A. Statkus

dedicated to N.B. Leonova, Professor at the Moscow State University

There are three caves with Paleolithic rock paintings – Kapova, Ignatievskaya and Serpievskaya-2 – in the Southern Urals (Bashkiria and Chelyabinsk region). As a result of the 2009-2023 research, new evidence of human activity in decorated underground cavities was revealed, dating back to about 14,000–19,000 cal BP. The increase in evidence of diverse practices of the Upper Paleolithic period in decorated caves became possible due to the improvement of methods for studying such sites, despite the traces of visits to which are much less pronounced compared to the usual cultural layers of ordinary sites in underground cavities. The main doctrinal thesis of the applied approach is to treat the walls and roof of caves as a cultural layer of Paleolithic sites, where

¹ Работа выполнена в рамках гранта РНФ 23-28-00468 «Разработка подхода к изучению географического происхождения (provenance) верхнепалеолитических минеральных красочных пигментов (охры) Каповой пещеры и Каменной Балки II методами аналитической химии».

² This research has been supported by the Russian Science Foundation within the scientific project No 23-28-00468 “Development of an approach to study the geographical provenance of Upper Paleolithic mineral color pigments (ochre) from Kapova Cave and Kamennaya Balka II using analytical chemistry methods.”

any visible to the eye, even tiny, traces of human activity are recorded during field work. One of the results of the work in the Ignatievka Cave, for example, was an increase in the number of wall paintings and other traces of artistic practices to more than 440 units. A multifactorial analysis of the pictorial ensembles of the Southern Urals caves with rock paintings indicates the relatively contemporaneous coexistence of two Upper Paleolithic styles at these sites, styles previously considered to be from different periods or not discussed at all.

Keywords: archaeology, Upper Paleolithic, Paleolithic art, field research methodology, Southern Urals, Kapova Cave, Ignatievskaya Cave, rock paintings, mineral pigments, micro X-ray fluorescence analysis (μ XRF)

Стремительное развитие и расширение возможностей цифровых инструментов и прогресс физико-химических направлений анализа следов деятельности человека в пещерах с настенными изображениями позволяют в ходе многофакторных исследований получать всё более полные и объективные результаты. Однако основой археологического изучения подобных памятников остаются полевые изыскания и работы, даже если время их проведения все больше сокращается для максимального сохранения стабильности и устойчивости подземной среды и заключенного в ней археологического ансамбля.

Многие годы изысканий под влиянием пионерских работ, базировавшихся на структуралистском и статистическом анализе, превратили со временем пещеры с настенными изображениями в абстрактные «коробочки» (этим образным выражением О. Соффер обозначила узкое понимание формального подхода к пониманию и использованию термина и феномена верхнепалеолитических культур Восточной и Центральной Европы) для всеохватных теорий и поверхностных интерпретаций, как справедливо отмечает Р. Пижо (Pigeaud, 2018, p. 75; Соффер, 1999, устный комментарий, Замятинская конференция, МАЭ РАН). И совершенно справедливо он же говорит о том, что «открытие пещер с нетронутым /образованием рыхлых отложений поверх следов деятельности палеолитического человека – В.Ж./ полом, таких как Шове (Ардеш) или Кюссак (Дордонь), очень кстати напомнило париеалистам¹, что они не историки искусства, а археологи. Не впадая в удручающий релятивизм («каждая пещера разная, какой в этом смысл?»), мы все пошли по стопам Мишеля Лорбланше, который в одиночку... начал изучение малейших следов, оставленных на полу и стенах пещер Керси, чтобы попытаться обобщить их (Лорбланше, 2018)¹» (Лорбланше, 2018).

В отечественной археологии подход, подобный обозначенному выше подходу

М. Лорбланше, к пещерным памятникам с настенными изображениями формировался практически полностью, даже во многом параллельно и на собственной теоретической базе (с учетом достижений зарубежных коллег, однако в ограниченном объеме – из-за труднодоступности литературы и незначительного числа научных контактов), внутри российской школы палеолитоведения Москвы и Ленинграда/Санкт-Петербурга. До открытия 1959 г. палеолитического изобразительного ансамбля в Каповой пещере вопросы фиксации мельчайших следов деятельности человека на памятниках открытого типа каменного века успешно разрабатывались и использовались плеядой выдающихся отечественных учёных – Г.А. Бонч-Осмоловским, С.Н. Замятниным, П.П. Ефименко, М.В. Воеводским, А.Н. Рогачевым, П.И. Борисовским, М.Д. Гвоздовер и др. Следует подчеркнуть особый вклад профессора МГУ Н.Б. Леоновой в развитие методики и практики исследований в отечественном палеолитоведении (Леонова и др., 2006). Отдельно необходимо отметить высокий уровень методики изучения изображений на стенах Каповой пещеры, применявшейся О.Н. Бадером в 1960–1970-е гг.

На основе опыта отечественной школы палеолитоведения, зарубежных специалистов и работ Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ в пещерах с настенными палеолитическими рисунками была разработана и внедрена новая для нашей страны методика изучения корпуса следов художественных практик и изобразительных ансамблей Каповой, Игнатьевской и Серпиевской-2 пещер. Основной доктринальный тезис концепции этой методики заключается в отношении к полу, стенам и потолку пещер как к культурному слою палеолитических памятников, где в ходе полевых работ фиксируются любые мало-мальски видимые глазу, даже крошечные, следы деятельности человека, а не только крупные объекты культурного слоя, как в современной полевой практике

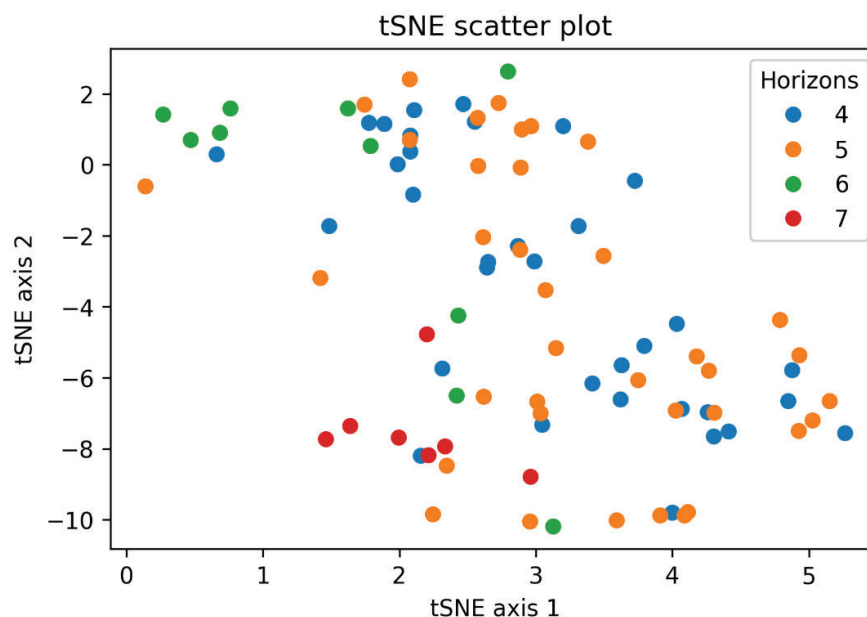

Рис. 1. Результаты кластеризации в двухмерном отображении, полученные методом стохастического вложения соседей с t-распределением (t-SNE) 88 образцов из четырёх горизонтов посещения Купольного зала Каповой пещеры.

Fig. 1. The results of clustering in a two-dimensional display obtained by the method of t-distributed stochastic neighbor embedding (t-SNE) for 88 samples from four horizons of visiting the Dome Hall of Kapova Cave.

фиксируются не только крупные целые изделия каменной индустрии, но и микродебитаж.

Выявление отдельных микроскопического размера пятен и крошек пигмента имеет ключевое значение не только для идентификации новых изображений, стертых временем или человеком, и определения последовательности нанесения изображений (микростратиграфии, в т. ч. и для отбора образцов с целью конкретизации сходств или различий в рецептуре приготовления краски), но и для фиксации широкого спектра следов художественных практик во всей совокупности их функционального аспекта – материальных остатков системных действий с краской в разном агрегатном состоянии (от порошка до жидкого раствора), включая отдельные составные элементы «производственной цепочки» в виде просыпанного порошка, следов капель и т. п. Среди микроскопических следов краски встречается и такая категория, как отдельные сохранившиеся на стене (аналогично для отдельных предметов и природных материалов из культурного слоя) крупинки, зачастую концентрирующиеся на небольшой площади. По всей видимости, это следы либо порошка для краски, либо нерастворенных мелких частиц, оставшихся в результате деятель-

ности намеренной (выдувание, крапление, брызганье, спрыскивание и т. п.) или непреднамеренной (тесного соприкосновения/трения/истирания окрашенной одеждой, включая головной убор, или телом, включая причёску).

Малоразмерные красочные пигменты в культурном слое

Одной из особо выделяющихся категорий материалов, происходящих из пещер с настенными изображениями, являются красочные пигменты. Существует несколько контекстов их обнаружения: на современном уровне пола в виде скоплений, в культурных слоях и горизонтах посещений. Пигменты обнаруживаются в виде порошка, мазков, карандашей и т. п. Изучению красочных пигментов посвящено множество работ, однако всё более очевидной становится следующая проблема: как правило пигменты из культурных слоев памятника рассматриваются отдельно, фрагментарно, а не в качестве массового материала.

Тем не менее отдельные исследования демонстрируют, что комплексный анализ всего доступного массива пигментов из разных культурных слоев одного памятника позволяет получить значительный объем информации о разнообразии технологических

подходов к обработке материалов, а также об изменениях в стратегиях жизнеобеспечения (напр., Pradeau et al., 2014; Ronchitelli et al., 2015; Velliky et al., 2021). Наряду с археологическим изучением большая роль в подобных исследованиях принадлежит естественно-научным методам анализа (Анисовец, 2023).

В настоящее время исследования пигментов в Каповой пещере сосредоточены на красочных материалах из раскопа в Купольном зале, полученных в результате работ Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ. В результате работ около Западной ниши этого зала выявлено 12 голоценовых и 9 позднелейстоценовых горизонтов посещения (Житенев, 2018). Пигменты отсутствуют в голоценовых горизонтах.

Первоначально для апробации методики были изучены пигменты из первых четырёх ллейстоценовых горизонтов посещения в Купольном зале, наиболее богатых красочными материалами – четвёртого, пятого, шестого и седьмого (Статкус и др., 2021).

Все образцы были изучены под бинокулярным микроскопом. Этот этап работ показал, что лишь небольшой процент отобранного в ходе полевых работ материала в действительности представляет собой пигмент. Это связано с тем, что в полевых условиях в плохо освещённых залах пещеры не всегда возможно однозначно определить, относятся ли образцы к пигменту или представляют собой естественно окрашенные камни, фрагменты кальцита или суглинка. Важным наблюдением является свойство пигментов тускнеть при высыхании. Однако важно отметить, что необходимо собирать все материалы, напоминающие собой пигменты, во избежание утраты части образцов в ходе полевых работ.

В рамках первоначального изучения пигментов из четырёх горизонтов Купольного зала Каповой пещеры были исследованы 12 образцов, имевших различный внешний вид и оттенок. По структуре и консистенции они представляют собой как плотные, так и рыхлые комки и крупинки, оставляющие или не оставляющие след при проведении по листу бумаги или камню.

Масса образцов от 0,6 мг до 108 мг, при этом масса 80% составляет менее 20 мг. Для образцов такой массы проведение классического количественного рентгенофлуоресцентного

анализа (РФА) было невозможно, поэтому был проведен неразрушающий микро-РФА с использованием спектрометра Bruker Tornado M4+. Использована трубка с анодом из вольфрама, с коллиматором 1 мм, часть спектров снята с фильтрацией первичного излучения. В спектрах идентифицированы линии следующих 17 элементов: Al, Si, K, Ca, Ti, V, Cr, Mn, Fe, Ni, Cu, Zn, Pb, Rb, Sr, Y, Zr. Так как линии $L\alpha$ свинца и $K\alpha$ мышьяка практически полностью перекрываются, различить эти элементы, когда они присутствуют в малых концентрациях, с помощью РФА невозможно, поэтому во всех спектрах условно линия с энергией 10,55 кэВ приписывалась свинцу. Проводилась деконволюция спектров, регистрировалась интенсивность (суммарная скорость счета за вычетом фона) для наиболее интенсивной линии каждого идентифицированного элемента. Интенсивность линии элемента нормировалась на интенсивность линии $K\alpha$ железа.

Полученный таким образом массив данных обрабатывался методами кластерного анализа для выявления групп близких по химическому составу образцов. Применялся иерархический агломеративный кластерный анализ (agglomerative clustering) для построения дендрограмм и стохастическое вложение соседей с t -распределением (t -distributed stochastic neighbor embedding, tSNE) для представления многомерных данных в двухмерном отображении.

В ходе кластерного анализа не учитывались данные о том, в каком горизонте был обнаружен тот или иной образец. Предварительные результаты кластеризации указывали на то, что образцы из 4 и 5 горизонта составляют одну крупную группу, а образцы из 6 и 7 горизонтов составляют меньшие по размерам индивидуальные группы.

Однако после изучения большинства образцов из всего корпуса материалов – 88 экз., происходящих из обсуждаемых горизонтов посещения Купольного зала Каповой пещеры, картина изменилась на более сложную и неоднозначную (рис. 1), достаточно явно показывающую невозможность разделения корпуса образцов пигментов по культурным горизонтам на данном этапе аналитических исследований, что со всей очевидностью демонстрирует принципиальную необходимость изучения не отдельных образцов

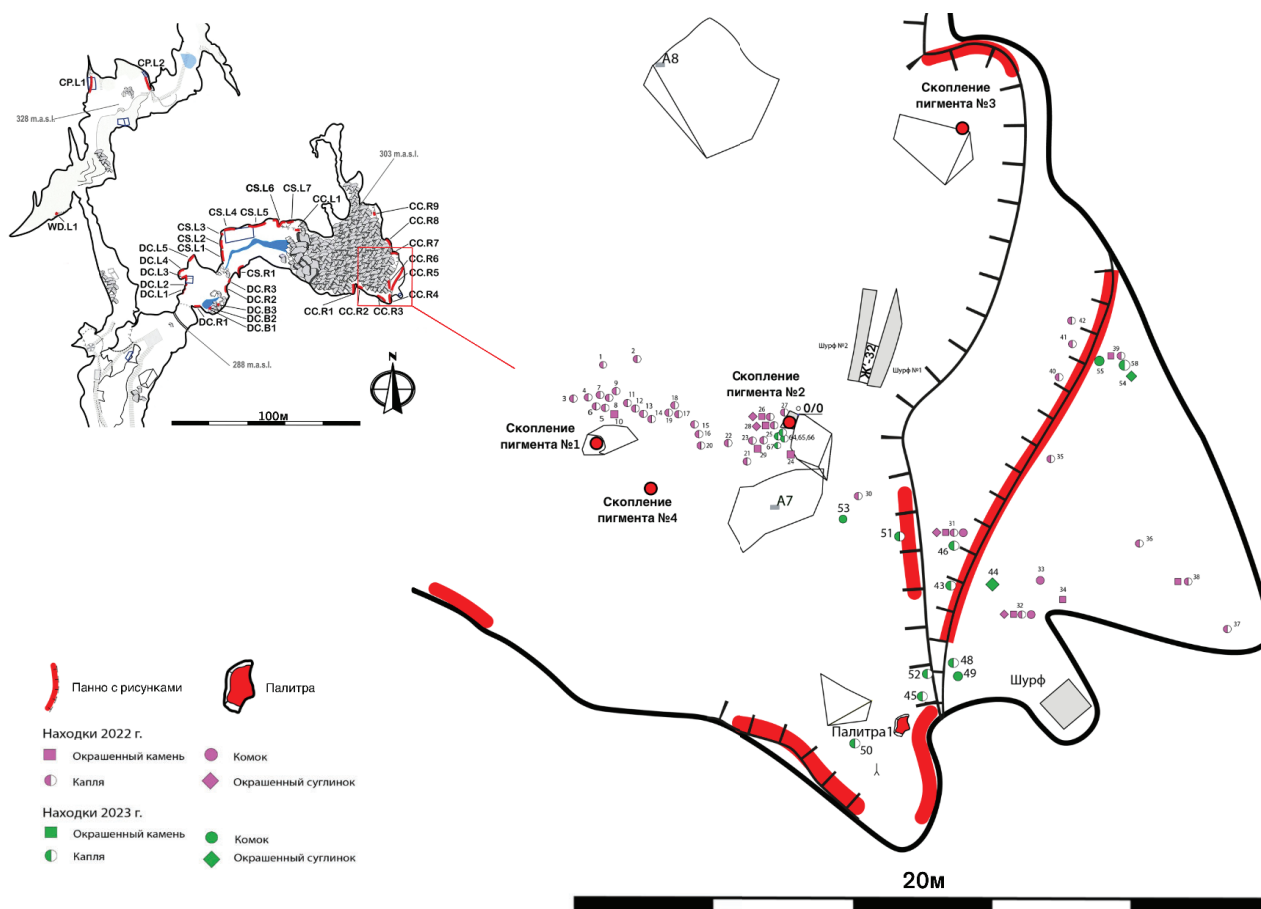

Рис. 2. Протяженная концентрация из последовательных следов красочного пигмента разной морфологии и генезиса на полу зала Хаоса, Капова пещера.

Fig. 2. Extended concentration of successive traces of mineral pigment of different morphology and genesis on the floor of the Hall of Chaos, Kapova Cave.

красочных пигментов, а всю совокупность этой категории находок как массового материала (подробное описание основ методики археологического изучения образцов пигментов и выбора естественно-научных методов анализа в зависимости от целей и задач: Житенев, Анисовец, 2023).

Малоразмерные образцы красочных пигментов на современном уровне пола

В ходе ежегодного тщательного осмотра пола Каповой пещеры, в частности в зале Хаоса, где осадконакопление в эпоху голоцена практически отсутствовало, были выявлены скопления красочного пигмента, представляющие собой центральные элементы комплексов, вокруг которых бессистемно располагались окрашенные сколы натечных кор, принесённые объёмы суглинка массой до 2–3 кг и т. д. (Житенев, 2018). В ассоциации с этими комплексами, в результате нового этапа поиска следов деятельности человека в центральной части зала Хаоса (рис. 2), была

обнаружена своего рода «цепочка» – протяженная концентрация из последовательных следов красочного пигмента разной морфологии и генезиса. На плане (рис. 2) представлено пространственное расположение этого сгущения пигментов (обозначение разными цветами их одинаковых морфотипов иллюстрирует результат поисковых работ двух последних лет (2022–2023 гг.) для демонстрации темпов обнаружения и фиксации подобного рода находок). Подобные остатки практик обращения с красочными материалами, но в более изолированном друг от друга контексте единично в зале Хаоса ранее уже фиксировались, как и в горизонтах посещения Купольного зала. Морфологически эта категория следов художественных практик представляют собой: отдельные капли (и брызги?) и их скопления на камнях и глыбах, узкие короткие линии и мазки на камнях и глыбах, окрашенные небольшие камни и фрагменты натечных образований красновато-розовым

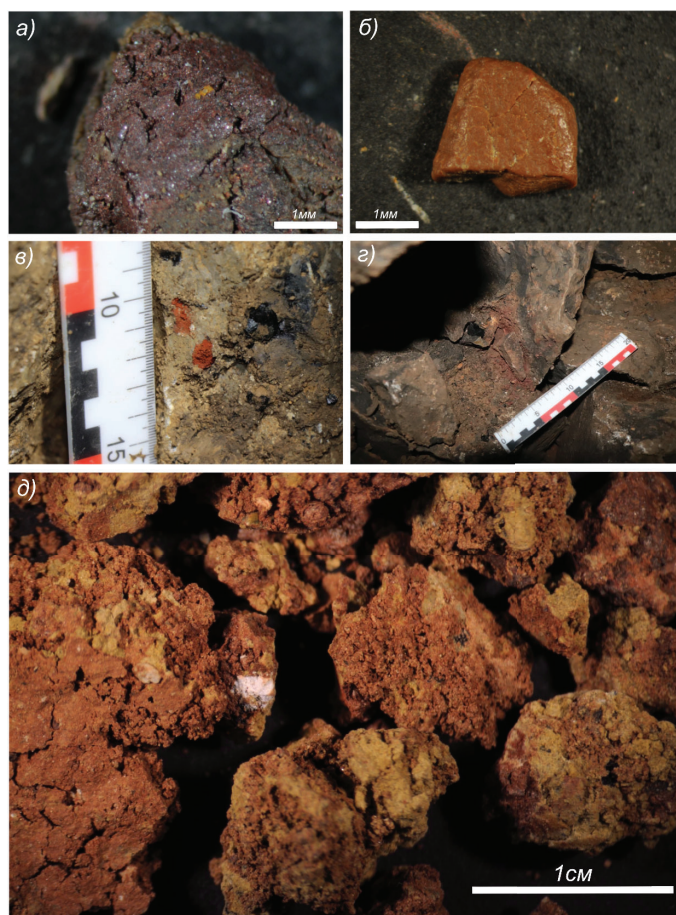

Рис. 3. Следы художественных практик в Каповой пещере: а – темно-вишневый пигмент пастообразной консистенции, зал Хаоса, Капова пещера; б – комок (?) красно-рыжего пигмента, Капова пещера, зал Рисунков, кв. Ы-11; в – капли густой красочной суспензии в суглинке на полу зала Хаоса, Капова пещера; г – скопление красочного минерального пигмента №4, зал Хаоса, Капова пещера; д – пигмент, смешанный с суглинком из скопления красочного пигмента №3, зал Хаоса, Капова пещера.

Fig. 3. Traces of artistic practices in Kapova Cave: a – dark cherry pigment of pasty consistency, Hall of Chaos, Kapova Cave; б – lump (?) of reddish-red pigment, Kapova Cave, Hall of the Drawings, Ы-11; в – drops of thick colorful suspension in loam on the floor, Hall of Chaos, Kapova Cave; г – accumulation of mineral pigment No. 4, Hall of Chaos, Kapova Cave; д – pigment mixed with loam from the accumulation of colorful pigment No. 3, Hall of Chaos, Kapova Cave.

и вишневым пигментом, пятна окрашенности на/в суглинке и на камнях, комки и сгустки пастообразной консистенции, отдельные крупинки и их скопления в виде порошкообразного пигмента (рис. 3).

Малоразмерные образцы красочных пигментов маркируют не только участки подготовки краски и нанесения настенных изображений, следы использования жидкого раствора краски в пока неидентифицируемых практиках вдали от рисунков, но и пути передвижения и отдельные их отрезки, связанные с перемещением оставляющих следы красочных материалов. Во многом внимательное отношение к подобным остаткам сравнимо со значением микродебитажа для определения места изготовления каменных или костяных

предметов, направлений эвакуации отходов, выявление входов в жилища и т. п.

Малоразмерные красочные пигменты (микрообъекты) на стенах и потолке пещер

Среди микроскопических следов краски, но уже на стенах пещер, встречается и такая категория, как отдельные сохранившиеся (но это же будет аналогично и для поверхности предметов и природных материалов из культурного слоя) крупинки, зачастую концентрирующиеся на небольшой площади (до $0,3 \times 0,4$ м, как в приведенном ниже примере из Игнатьевской и Каповой пещер). По всей видимости, это следы либо порошка для краски, либо нерастворенных мелких частиц, оставшихся в результате деятельности намеренной (выдувание, крапление, брызганье,

Рис. 4. Микрообъекты рядом с рисунками на Черном панно Дальнего зала, Игнатьевская пещера.

Fig. 4. Micro-objects next to the paintings on the Black Panel of the Far Hall, Ignatievskaya Cave.

спрыскивание и т. п.) или непреднамеренной (тесного соприкосновения/трения/истирания окрашенной одеждой, включая головной убор, или телом, включая прическу).

В Игнатьевской пещере участок скопления подобных крупинок был первоначально открыт на потолке Дальнего зала над осыпью, время образования которой неизвестно. Находиться не в склоненном состоянии под потолком в этом месте подростку или взрослому человеку (вне зависимости от роста) невозможно. В этом отделе пещеры обсуждаемое скопление, как и некоторые отдельные разбросанные точки, находятся на удалении от крупных рисунков, достаточном, чтобы это скопление можно было считать самостоятельным объектом: до ближайшего красного пятна (не фигуры или рисунка) – около 0,2 м, до ближайшего крупного пятна – около 0,25 м (впрочем, первое пятно может быть частью второго).

Однако отдельные микрообъекты встречаются и совсем рядом с некоторыми рисунками на Черном панно Дальнего зала, что показывает возможность разного генезиса этой категории следов художественных практик даже на небольшом участке одного отдела подземной полости (рис. 4).

Крупинки, впаянные в тонкие пленки кальцитовых натечных образований, имеют разме-

ры до или около 1 мм, подокруглую форму и неокатанную, но слегка сглаженную поверхность зерна. Цвет – от красного до оранжево-коричневого.

Пространственное распределение известных на сегодняшний день микрообъектов в Большом зале Игнатьевской пещеры отличается от ситуации в Дальнем зале – они расположены рядом с крупными настенными фигурами. И оттенок рисунков может отличаться от оттенка микрообъектов.

Впервые в ходе работ ЮУАЭ МГУ серийно зафиксированный в Игнатьевской пещере этот отдельный вид следов деятельности человека, связанный с художественными практиками, поставил рабочую группу в тупик из-за сложности самого памятника, в котором присутствует множество следов разных эпох, включая осколки битого кирпича Новейшего (возможно, и Нового) исторического периода. Однако при параллельном и целенаправленном изучении поверхностей панно в зале Рисунков Каповой пещеры были выявлены аналогичные по цвету, размеру и морфологической характеристике крупинки, безусловно связанные с художественными практиками палеолитического времени (рис. 5).

Более того, зафиксированы и сопряженные следы деятельности человека. Они представлены, в частности, небольшим скоплением пигмента, втертого в мелкую трещину стены (рис. 6).

Результаты изучения малых форм остатков пигмента позволяют детализировать и набор следов художественных практик на отдельных участках панно. Наглядным примером может служить предварительный итог изучения пространства над фигурой мамонта № 7 – единственной силуэтной фигурой на Западном панно зала Рисунков. Первое полное описание пространства около рисунка (высота его составляет около 50 см, длина – около 57 см) представлено в отчете О.Н. Бадера: «Над задней частью фигуры обозначились 5 разбросанных красных точек, над головой – еще 2, расположенные вертикально. Под фигурой и перед ней – постепенно расплывающийся красноватый фон» (Бадер, 1973, с. 22 – цит. по: Житенев, 2018) (рис. 7).

Однако после пристального изучения пространства над этим рисунком (в т. ч. с использованием фотограмметрических инструментов) были выявлены новые следы

Рис. 5. Фрагменты красочных пигментов на стене в непосредственной близости от рисунков, Восточное панно, зал Рисунков, Капова пещера.

Fig. 5. Fragments of mineral pigments on the wall in close proximity to the paintings, Eastern Panel, Hall of the Drawings, Kapova Cave.

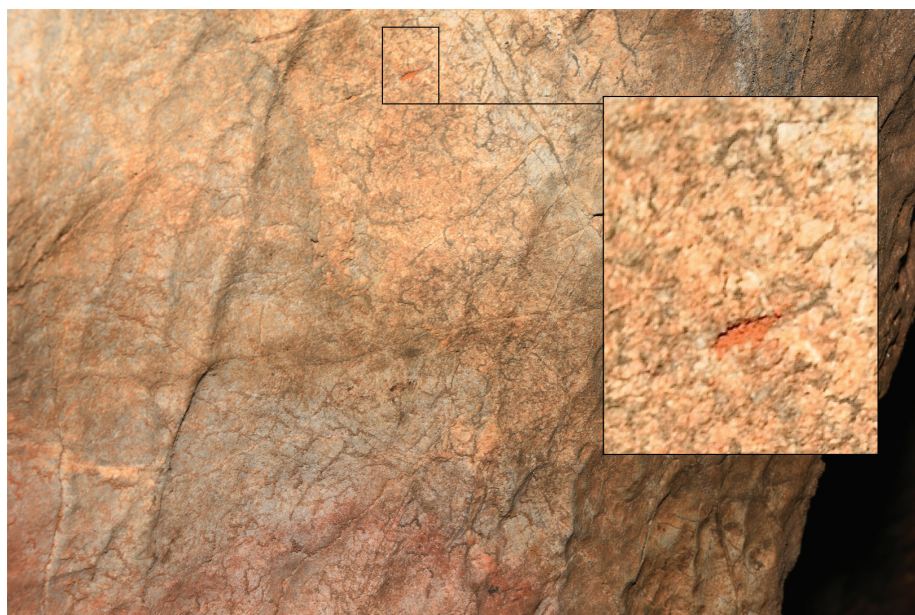

Рис. 6. Скопления пигмента, втертого в трещину стены, Восточное панно, зал Рисунков, Капова пещера.

Fig. 6. Accumulation of pigment worked into wall cracks, Eastern Panel, Hall of the Drawing, Kapova Cave.

красочного пигмента. Упомянутые О.Н. Бадером «5 разбросанных красных точек» расположены над туловищем – от горба до крупа – фигуры животного и сверху ограничены небольшой трещиной стены (А – на рис.), к которой как минимум три из этих «точек» приурочены. Вместе с тем выше них, уже, безусловно, за пределами «красноватого фона»

вокруг изображения мамонта, на стене четко фиксируются остатки красного пигмента, частично расположенного поверх фрагментов натечных кор. Концентрация этого скопления следов художественной деятельности выразительно отделена (по сути – стерильным с точки зрения археологической терминологии) пространством стены без каких-либо призна-

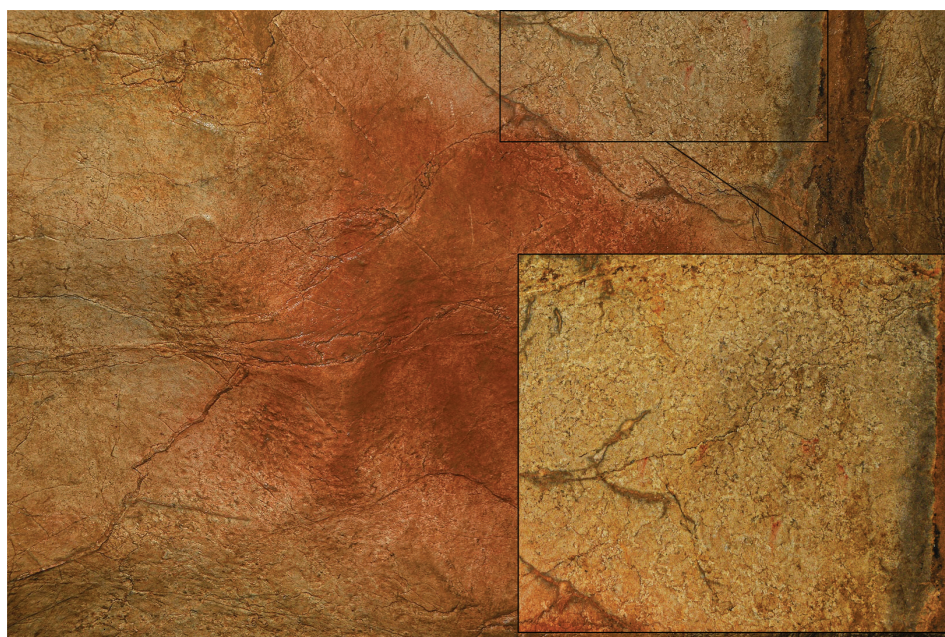

Рис. 7. Остатки красного пигмента, частично расположенного поверх фрагментов натечных кор, над фигурой мамонта №7, Восточное панно, зал Рисунков, Капова пещера.

Fig. 7. Remnants of red pigment partially located on top of the fragments of speleothems, above the figure of mammoth No. 7, Eastern Panel, Hall of the Drawings, Kapova Cave.

ков окрашенности, что дополнительно свидетельствует в пользу обособленного статуса области со следами краски как дискретной изобразительной составляющей Западного панно.

С одной стороны, описанные выше микрообъекты и пятна пигмента возможно рассматривать как остатки абсолютно неясных на сегодняшний день следов изобразительных практик, археологически синхронных основным фигурам обсуждаемых панно.

С другой стороны, «линии и пятна краски, расположенные рядом с центральными фигурами мамонтов (№ 5 и 6) Западного панно, могут свидетельствовать... о существовании ранней генерации настенных изображений, стертых не полностью» (Житенев, 2018). Новые остатки художественной деятельности человека на Западном панно зала Рисунков позволяют с ещё большей долей уверенности предполагать наличие следов раннего этапа следов художественной деятельности в Каповой пещере, что находит подтверждение и в материалах средней и нижней пачки культурных горизонтов раскопа в Купольном зале.

Основной пласт, по существу – большую часть изобразительных ансамблей Каповой и Игнатьевской пещер, составляют именно красочные пятна, мазки, крупинки и т. п., являющиеся как остатками разрушенных

палеолитических рисунков, так и отдельными, по большей части плохо сохранившимися, следами художественных практик. Например, в Игнатьевской пещере в ряде случаев микрообъекты (и капли, и крупинки) на стенах рядом с рисунками могут как отличаться, так и быть схожего цвета с ними. На сегодняшнем этапе исследований можно говорить о том, что если в Большом зале Игнатьевской пещеры микрообъекты располагаются рядом только рядом с крупными фигуративными рисунками, то в Дальнем зале – ситуация иная, а микрообъекты могут находиться и в отдалении от крупных изображений.

Значение уже полученных результатов продолжающегося переисследования художественного ансамбля Игнатьевской пещеры трудно переоценить. Корпус настенных изображений красного и черного цветов в Игнатьевской пещере на первых этапах 1980–1986 и 1990-е – 2020 г. экспедициями – соответственно В.Т. Петрина и В.Н. Широкова – изучался и был опубликован, но достаточно общо, без статистических данных и практически без учета новых на те периоды развития науки подходов к исследованию пещерных настенных изображений (Петрин, 1992; Петрин, Широков, 2013).

Статистические данные по изобразительному комплексу важны для сравнительно-

го анализа как археологически синхронных, так и диахронных корпусов следов художественных практик пещерных памятников с настенными рисунками. Однако для статистики необходимо наличие информации обо всех следах изобразительных практик, а не отдельных или наиболее крупных (хорошо сохранившихся и т. п.) рисунках. Фиксация и изучение малоразмерных следов художественной деятельности, вплоть до отдельных, оставшихся на стене крупинок или пятнышек красочного пигмента, так же важны для понимания деятельности человека, как и фиксация, и изучение отходов производства каменного инвентаря, включая микродебитаж. Более того, микроследы художественных практик не менее важны для понимания изобразительной техники, а следовательно, и организации изобразительной деятельности, по сравнению и аналогии с изучением техники обработки каменного и костяного инвентаря.

На основе опыта зарубежных специалистов и работ Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ в пещерах с настенными палеолитическими рисунками была разработана и применена новая для нашей страны методика изучения художественного ансамбля Игнатьевской пещеры. Для примера представления предварительных результатов возьмём промежуточные итоги изучения части художественного ансамбля Игнатьевской пещеры в Дальнем зале. Общее количество рисунков: 23 крупных рисунка – пять на Красном панно (антропоморфная фигура, два «крестообразных» знака, зооморфное изображение, фигура мамонта) + линия у южной стены + пять на южной стене («стреловидное» изображение и два пятна, «якоревидное» изображение, «лестницепоподобный» знак, параллельные линии, антропоморфное изображение и отдельные линии рядом с ним) + более 12 на Черном панно (пять почти утраченных черных линий, «фантастическое зооморфное» существо, «треугольник», «личина», шейно-спинная линия зооморфного изображения (лошади?), геометрический подчетырёхугольный знак, горизонтальный ряд из 17 штрихов, фигура лошади, рисунок лошади без головы, изображение верблюда и знак из сдвоенных дуг, рисунок мамонта, контур зооморфной фигуры); пятна: более 129 – два (рядом с антропоморфной фигурой) + 16 (скопление слева от антропоморфной

фигуры) + 14 (на участке с «крестообразными» знаками) + 22 (на участке, где рисунки черного цвета смешаны с кальцитом) + 17 (рядом с зооморфным изображением) + восемь (внутри зооморфного изображения) + более 50 (за зооморфным изображением по направлению к осыпи). Требуют дополнительного пересчета: пятна прямо у осыпи и пятна красного цвета на Черном панно. Таким образом, крупных рисунков – 24 (при этом линии на Южной стене рядом с антропоморфным изображением рассматриваются как один рисунок), отдельных пятен – более 129, микрообъектов – более 36, итого: следов художественной деятельности в Дальнем зале более 189.

Впервые можно оперировать (пока) предварительными статистическими данными по корпусу следов художественных практик в Игнатьевской пещере: всего на стенах и потолке подземной полости расположено более 440 следов изобразительной деятельности человека. Следует подчеркнуть, что отдельные элементы рисунков не учитывались при подсчетах как разные единицы, например, если изображение представляет собой изолированную «группу субпараллельных линий» (по В.Т. Петрину), располагающихся близко одна над другой, то такое изображение учитывалось как одно (например, в группе изображений № 2 – рисунки № 2 и № 5, по: Петрин, 1992). Подобные данные по изобразительному комплексу важны для сравнительного анализа изобразительных ансамблей как археологически синхронных, так и разновременных пещерных памятников с настенными изображениями.

Микростратиграфический анализ следов художественной деятельности выявил случаи наложения остатков рисунков черного цвета на красные остатки, что подтверждает и свидетельствует в пользу относительно одновременного сосуществования в позднем палеолите двух стилей, ранее считавшихся разновременными, внутри пещеры.

Монографическое исследование В.Т. Петрина не идеально с точки зрения сегодняшнего дня и этапа развития палеолитоведения (Петрин, 1992). Полевые исследования художественного ансамбля, проводившиеся в 1980–1986 гг. были основаны на методологии, а следовательно, и подходах, значительно более ранних. Кроме того, В.Т. Петрин и

его команда были больше специалистами всё-таки по изучению именно наскальных памятников первобытного искусства – писаниц, поэтому многие методы были позаимствованы именно из этой области археологии и не до конца адаптированы к изучению пещеры с настенными изображениями. Издание 2013 г. за авторством В.Н. Широкова и В.Т. Петрина ничего действительно нового не дает с точки зрения использованных методик и полученных результатов (Широков, Петрин, 2013). Базовую монографию В.Т. Петрина нельзя на современном этапе развития науки использовать в качестве единственной основы для изучения и сохранения Игнатьевской пещеры в связи с большим количеством неточностей в описании как целых групп, так и отдельных следов художественных практик. Кроме того, в 1980-е гг. не были зафиксированы многие малоразмерные следы изобразительной деятельности, являющиеся – с точки зрения сегодняшней науки – важнейшими свидетельствами активности людей в пещерах с настенными рисунками. Совокупность всех этих факторов означает необходимость публикации нового монографического издания результатов изучения художественного ансамбля памятника.

Выводы

Таким образом, подход к изучению красочных пигментов, в т. ч. малого размера, как к отдельной категории массового материала и следам деятельности человека, включая микрообъекты, на стенах и полу пещер как к культурному слою убедительно демонстрирует свою целесообразность в использовании при изучении археологических и художественных ансамблей пещерных памятников. Микрообъекты красочных пигментов существенно обогащают корпус материальных свидетельств применения охры (красочных

материалов) в верхнем палеолите, использовавшейся не только в символических практиках, но и в хозяйственно-бытовых операциях (Анисовец, 2023; Анисовец и др., 2023; Житенев, Анисовец, 2023). Результаты обработки материалов работ последних лет, обсуждаемые в статье, демонстрируют верность выбранных подходов к полевой методике изучения рыхлых отложений как для пещерных памятников, так и для памятников открытого типа. Подобный подход охватывает все категории обсуждаемых археологических материалов, несмотря на наличие существенных нюансов естественного и антропогенного характера.

Многофакторный анализ изобразительных ансамблей Каповой и Игнатьевской пещер указывает на относительно одновременное сосуществование на памятниках двух верхнепалеолитических стилей, которые ранее считались разновременными или вовсе не обсуждались.

Основой археологического изучения пещерных памятников с настенными изображениями остаются полевые исследования. Результаты применения новых археологических подходов и методик, вдумчивого целеполагания и взвешенного планирования отбора проб для проведения естественно-научных анализов – всё это позволяет получить не только сугубо академические результаты, но и создать фундамент для последовательного совершенствования мониторинга состояния, а следовательно, и сохранения археологических и художественных ансамблей палеолитических подземных святынь. «Изучать – значит сохранять», – этот тезис в рекомендациях ЮНЕСКО актуален не только в отношении пещер с рисунками, но и для всех памятников археологии, как и кропотливая методика поиска, фиксации и изучения красочных пигментов.

Примечание:

¹ «Неологизм «париеталисты» был предложен Норбертом Оджулатом (Norbert Aujoulat) для обозначения специалистов по палеолитическому пещерному настенному (pariétal) искусству». Вместе с другими коллегами мы принимаем его «даже при неизбежном редуцировании настоящей области научных исследований. Конечно, он не охватывает всю нашу область знаний, которая распространяется на украшения и предметы искусства малых форм, но в некоторых конкретных случаях удобно четко указать, что здесь мы говорим только об одном конкретном аспекте символического поведения доисторических людей верхнего палеолита» (Pigeaud, 2018, p. 75).

ЛИТЕРАТУРА

Анисовец Ю.Д. История естественно-научного изучения красочных пигментов верхнего палеолита Центральной и Западной Европы // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2023. № 2. С. 16–35.

Анисовец Ю.Д., Лаврова В.Д., Абдраштова И.В., Виноградова Е.А., Статкус М.А., Житенёв В.С. Палеолитические красочные пигменты как массовый материал: предварительные результаты анализа и сравнения образцов Каповой пещеры и Каменной Балки II // Ранний верхний палеолит Европы и сопредельных территорий: взгляд из Сунгиря. Всероссийская научная конференция с международным участием, к 120-летию со дня рождения Отто Николаевича Бадера / Отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.; Владимир: ИА РАН, Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2023. С. 45–46

Житенёв В.С. Капова пещера – палеолитическое подземное святилище. М.: Индрик, 2018. 296 с.

Житенев В.С., Анисовец Ю.Д. Красочные пигменты как массовый материал: обсуждение методического подхода к исследованиям // Вестник Московского университета. Сер. 8. 2023. № 4. С. 142–173.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычёва С.А. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М.: Научный мир, 2006. 342 с.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 207 с.

Статкус М.А., Абдраштова И.В., Анисовец Ю.Д., Житенёв В.С. Красочные пигменты Каповой пещеры: кластеризация образцов на базе данных микрорентгенофлуоресцентного анализа (предварительные результаты) // Геоархеология и археологическая минералогия – 2021 / Отв. ред. А.М. Юминов, Н.Н. Анкушева. Миасс; Челябинск: ЮУрГГПУ, 2021. С. 69–71.

Широков В.Н., Петрин В.Т. Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург: Ажур, 2013. 190 с.

Pigeaud R. La transparence et l'obstacle. Manipulations dans les grottes ornées // Les nouvelles de l'archéologie. 2018. №. 154. P. 75-81.

Pradeau J., Salomon H., Bon F., Mensan R., Lejay M., Regert M. Les matières colorantes sur le site aurignacien de plein air de Régismont-le-Haut (Poilhes, Hérault) : acquisition, transformations et utilisations // Bulletin de la Société préhistorique française. 2014. Vol. 111. №. 4. P. 631-658.

Ronchitelli A., Mugnaini S., Arrighi S., Atrei A., Capecchi G., Giamello M., Longo L., Marchettini N., Viti C., Moroni A. When technology joins symbolic behaviour: The Gravettian burials at Grotta Paglicci (Rignano Garganico - Foggia - Southern Italy) // Quaternary International. 2015. Vol. 359–360. P. 423–441.

Velliky E.C., MacDonald B. L., Porr, M. Conard N. J. First large-scale provenance study of pigments reveals new complex behavioural patterns during the Upper Palaeolithic of south-western Germany // Archaeometry. 2021. Vol. 63. №. 1. P. 173-193.

Информация об авторах:

Житенев Владислав Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, кафедра археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); masober@mail.ru

Анисовец Юлия Дмитриевна, аспирант, кафедра археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); aquarumnaia@gmail.com

Литвинова Елена Вадимовна, студент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); litveloffice@yandex.ru

Кожарина Мария Георгиевна, студент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); kozharinamaria@mail.ru

Малышева Яна Алексеевна, студент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); malyshevayanaivran@mail.ru

Виноградова Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); vinogradovae@mail.ru

Статкус Михаил Александрович, доктор химических наук, кафедра аналитической химии химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); statkusma@my.msu.ru

REFERENCES

Anisovets, Yu. D. 2023. In *Pervobytnaya arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies)* 2, 16–35 (in Russian).

Anisovets, Yu. D., Lavrova, V. D., Abdrashitova, I. V., Vinogradova, E. A., Statkus, M. A., Zhitenev, V. S. 2023. In Gavrilov, K. N. (ed.) *Ranniy verkhniy paleolit Evropy i sopredel'nykh territoriy: vzglyad iz Sungirya* (Early Upper Paleolithic of Europe and adjacent regions: a view from Sungir). Moscow; Vladimir: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Vladimir-Suzdal Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, 45–46 (in Russian).

Zhitenev, V. S. 2018. *Kapova peshchera – paleoliticheskoe podzemnoe svyatilishche* (Kapova Cave – Paleolithic underground sanctuary). Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).

Zhitenev, V. S., Anisovets, Yu. D. 2023. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya VIII. Istoriia* (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria VIII. History) 4, 142–173 (in Russian).

Leonova, N. B., Nesmeianov, S. A., Vinogradova, E. A., Voeikova, O. A., Gvozdover, M. D., Min'kov, E. V., Spiridonova, E. A., Sycheva, S. A. 2006. *Paleoekologiya ravninnogo paleolita (na primere kompleksa verkhnepaleoliticheskikh stoyanok Kamennaya Balka v Severnom Priazov'e)* (Paleoecology of Lowland Paleolithic (using the example of the Upper Paleolithic Kamennaya Balka site complex in the Northern Azov region)). Moscow: “Noviy mir” Publ. (in Russian).

Petrin, V. T. 1992. *Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoy peshhere na Yuzhnom Urale* (Paleolithic Sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals). Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Statkus, M. A., Abdrashitova, I. V., Anisovets, Yu. D., Zhitenev, V. S. 2021. In Yuminov, A. M., Ankusheva, N. N. (eds.). *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya – 2021* (Geoarchaeology and Archaeological mineralogy – 2021). Miass; Chelyabinsk: South Ural State University of Humanities and Education, 69–71 (in Russian).

Shirokov, V. N., Petrin, V. T. 2013. *Iskusstvo lednikovogo veka. Ignatievskaya i Serpievskaya 2 peshchery na Yuzhnom Urale* (The art of the Ice Age. Ignatievskaya and Serpievskaya 2 caves in the Southern Urals). Ekaterinburg: “Azhur” Publ. (in Russian).

Pigeaud, R. 2018. In *Les nouvelles de l'archéologie*. 154, 75–81.

Pradeau, J., Salomon, H., Bon, F., Mensan, R., Lejay, M., Regert, M. 2014. In *Bulletin de la Société préhistorique française*. Vol. 11, no. 4, 631–658.

Ronchitelli, A., Mugnaini, S., Arrighi, S., Atrei, A., Capecchi, G., Giamello, M., Longo, L., Marchettini, N., Viti, C., Moroni, A. 2015. In *Quaternary International*. Vol. 359–360, 423–441.

Velliky, E. C., MacDonald, B. L., Porr, M., Conard, N. J. 2021. In *Archaeometry*, vol. 63, no. 1, 173–193.

About the Authors:

Zhitenev Vladislav S., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; macober@mail.ru

Anisovets Yulia D., Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; aquarumnaya@gmail.com

Litvinova Elena V. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; litveloffice@yandex.ru

Kozharina Maria G. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation kozharinamaria@mail.ru

Malysheva Yana A. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; malyshevayanaivran@mail.ru

Vinogradova Ekaterina A., Candidate of Historical Sciences, Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation); vinogradovae@mail.ru

Statkus Mikhail A., Doctor of Chemical Sciences, Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; statkusma@my.msu.ru

Статья поступила в журнал 31.10.2024 г.
Статья принята к публикации 24.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу